

*Народная проза Акцябричыны. Мінск, 2018. 192 с., илл.
Народная проза Октябрыцыны*

DOI: 10.31857/S0869544X0003681-2

Об успешном развитии фольклорно-этнографических штудий в белорусской науке свидетельствует появление в недавнем прошлом новых книжных серий, посвященных традиционному укладу и фольклору культурно-исторических регионов Республики Беларусь — «Традиционный уклад жизни» (2014) и «Фольклор нашего края» (2018). Книги, выпускаемые в этих сериях, адресованы не только специалистам, но и широкому читателю; при этом публикации выполнены на высоком научном уровне, с полной атрибуцией представленных материалов, богатой библиографией. Благодаря этим изданиям в научный оборот вводится ценный материал, собираемый фольклористами, этнолингвистами, диалектологами, этнографами. При этом публикация фольклорных данных, извлеченных из архивов и полученных в ходе полевых исследований, сопровождается научным комментарием, помогающим взглянуть на образцы регионального фольклора в общенациональной перспективе.

В 2018 г. в серии «Фольклор нашего края» вышло исследование, подготовленное известным белорусским фольклористом Е.М. Боганевой и посвященное народной прозе Октябрьского района Гомельской области. Основу публикации составили записи сказок, легенд, преданий, быличек, устных бытовых рассказов, народных молитв и заговоров, поверий, пословиц и поговорок, сделанные во время полевых исследований в 2004–2016 гг. на территории исторического региона — Рудобельского края (его центр — село Рудабелка (Рудыя Белкі) известен с середины XV в., в настоящее время включен в состав город-

ского поселка Октябрьский). В сборник вошли также материалы из архива Октябрьского районного методического центра. Сюжетно-мотивный состав народной прозы Октябрьского района имеет ярко выраженные черты восточнополюсской традиции (былички и поверья про змеиноного царя, образы страшных русалок с железными или стеклянными грудями, легенды про мужа-ужа и др.). Одновременно народная повествовательная традиция Октябрыцыны отражает черты, характерные для Западного Полесья, Центральной Белоруссии и Подвинья (легенда о чудесном росте растений во время бегства Богородицы с младенцем от преследователей, легенда о происхождении кукушки — мотив потерянных ключей и т.п.). Таким образом, перед нами прекрасный пример локальной традиции, в силу своего пограничного положения на стыке нескольких культурно-исторических белорусских регионов аккумулировавшей и развившей черты народной прозы разных традиций.

Во вступительной статье Е.М. Боганева не только объясняет особенности композиции книги и принципы составления ее разделов, но характеризует также жанровые особенности текстов, составляющих фонд народной прозы локальной традиции Октябрьского района (помимо таких традиционных жанров, как сказки, легенды, предания, былички, внимание уделяется жанрам, лишь в недавнее время ставшим объектом специального внимания фольклористов — это легенды-былички, устные бытовые рассказы, а также тексты, составляющие так называемый устный народный дискурс и представляющие собой форму

самоописания традиции в форме диалога, размышления и т.п. ее носителей.

Публикуя тексты локальной несказочной прозы Октябрьского района, составитель сборника поставила перед собой задачу с максимальной полнотой соотнести их сюжеты с вариантами из соседних регионов, а также с корпусом сюжетов восточнославянских сказок, легенд, преданий. Каждый публикуемый сюжет снабжен индексом, присвоенным ему в международной классификации сюжетов [1], что дает возможность составителям современных указателей дополнить географию сюжета новыми региональными вариантами. Так, в Октябрьском районе в 2016 г. зафиксированы два варианта редкого сказочного сюжета про разумную падчерицу, заставляющую черта приносить ей разные вещи до первых петухов — черт теряет свою силу и девушка спасена (СУС—480С** «Мачеха и падчерица»); один из вариантов, возможно, испытал влияние литературной традиции — девушка должна провести ночь возле гроба колдуна (*ведзьмака*), она берет с собой петуха и заставляет его кричать, когда ведьмак посягает на нее (с. 43—44; ср. сюжет гоголевского «Вия»). Е.М. Боганева отмечает, что сюжет СУС—480С** за последние 20 лет фиксировался на территории Республики Беларусь лишь дважды: на востоке в Шумилинском районе Витебской области и на западе в Столинском районе Брестской области (с. 19). Также ни разу за прошедшие 20 лет не фиксировались в белорусских регионах в живом бытовании шуточные сказки «Як мужык и нячысцік проса дзялілі» (СУС 1091 «Кто приведет более необычное животное: человек приезжает на жене»), «Дзеўка і кабыла» (СУС 1440 «Лошадь вместо девушки»). Теперь благодаря записям 2004 г. из деревень Поречье (с. 52—53) и Корма (с. 53—54) сказковеды могут познакомиться с двумя оригинальными вариантами этих сюжетов. В раздел «Сказки» составителем помещен также вариант сюжета СУС 934А («Смерть в колодце»), записанный в 2012 г. в д. Смыковичи (с. 48—49). Этот нарратив в жанровом отношении ближе к быличке, нежели к сказке, о чем свидетельствуют многочисленные параллели из повествовательных традиций других регионов (отметим, в частности, что оригинальные версии этого сюжета были записаны в 1994 и в 2003 гг. в Дятьковском и Брянском районах Брянской области [2. С. 285—286,

288—289]). В рецензируемом сборнике на с. 140—141 в разделе «Легенды-былички и легендарные рассказы» помещен записанный в той же деревне Смыковичи от той же рассказчицы вариант сюжета о «несостоявшейся» смерти у колодца (рассказчице во сне является некий «дядюк» и предупреждает, что дочери ее на роду написано утонуть и потому нельзя пускать ее купаться, что та и делает на протяжении всей жизни). Возможно, стоило бы объединить оба варианта в одном разделе, что сделало бы для читателя более наглядными и механизмы трансформации сюжета, и место этого сюжета в репертуаре рассказчика, и отношение исполнителя к транслируемому тексту (как рассказчик «примиряет» две версии с разными концовками).

Аналогичное замечание касается широко распространенного сюжета о том, как Бог подбирает людям пары. Дважды представленный в книге сюжет помещен в разные разделы — «социогеничных» легенд (с. 105) и «устного народного дискурса» (с. 166—167). Оба текста записаны в одной деревне Поречье, первый представляет собой пересказ легенды, второй — размышление на тему «Як Бог пары робіць». С точки зрения принадлежности этих нарративов к разным жанрам разнесение их по разным разделам оправдано, но с точки зрения текстологии они представляют собой модификации одного инварианта, зафиксированные в разном коммуникативном контексте (отметим, что начало текста-размышления как раз представляет собой «свернутый» сюжет легенды). Понятно желание составителя представить разножанровые воплощения сходных сюжетов, но в ряде случаев такой формальный подход является помехой для того, чтобы оценить всю полноту содержательной вариативности.

Точно так же не совсем правомерным представляется «разлучение» былички о ходячем покойнике, помещенной в раздел «Верования» (из «устного народного дискурса», с. 174), с текстами об этом же мифологическом персонаже в разделе «Былички» (с. 124—126) — все указанные тексты представляют собой сюжетные нарративы и логичнее смотрелись бы в одном разделе.

Для специалистов, работающих в области текстологии фольклорной прозы, особый интерес представляют тексты, демонстрирующие стратегии текстопорождения и трансляции нарративов. Образцом такого рода текстов может служить легенда

из д. Смыковичи, соединившая в себе несколько сюжетов (почему люди согрешили, откуда появился аист, почему у мужчин на теле растут волосы); при этом каждая составляющая содержит оригинальные (редкие и даже уникальные) мотивы.

Так, проступок человека, нарушившего запрет и заглянувшего в мешок, куда Бог сложил жаб, ужей и гадюк, объясняется корыстью: «А я думаю, што тут золата» (с. 65). Преобладающая мотивировка нарушения запрета в этом сюжете — любопытство человека, но на этом фоне встречаются редкие мотивировки, подобные приведенной выше; нам известен еще один вариант с упоминанием золота, записанный в Волынской области [3. С. 413], при этом заглянуть в мешок человека заставляет нечистая сила.

Сцена грехопадения, согласно этой легенде, произошла на мосту через море — там первых людей застала ночь, и они вынуждены были лежа потесниться так, что «соблазнили друг друга» (с. 64). Как отмечает публикатор, мотив соблазнения на мосту для белорусской «народной Библии» единичен, но не случаен: образ моста выражает идею перехода человека из райского состояния в земное, смену его статуса. Добавим, что в верованиях славянских народов переход через мост символизирует также преодоление границы между мирами (подобно переправе через воду) [4. С. 303–304], а у южных славян бытовало представление об опасности коитуса на мосту, поскольку мост мыслился как «переходный» локус, где человек уязвим [5. С. 525].

Этот же текст содержит вербальный компонент, который можно расценивать как скрытую цитату (интересно было бы установить ее первоисточник). Вначале рассказчица приводит слова своего деда, который был учителем и «умел по-славянски читать»: «Вот, унучка, як начаўся свет... Бог сначала сздаў тры зла: бабу, чорта и казла» (с. 63). Аналогичные речения были зафиксированы на Смоленщине («Бох сатваріў два зла: бабу и казла») и у русских староверов Западного Причудья («Бог создал три зла: бабу, беса и козла») [6. С. 421], и любопытно было бы установить, имеем ли мы дело с устойчивой паремией или же с паремией, свойственной конфессиональному дискурсу. Кроме того, элементы балагурства характеризуют личность рассказчика, украшающего нарратив афоризмами и клише для большей занимательности.

Каждая локальная фольклорная традиция имеет в своем фонде уникальные элементы, выделяющие ее на общенациональном фоне. Найти, зафиксировать и проанализировать такие сюжеты и мотивы всегда удача для собирателя. Примером уникальной фольклорной этиологии является легенда, записанная в д. Протасы — Бог помещает в Ноев ковчег животных и мешок с разными «гадами», а Ной развязывает этот мешок, за что и превращен в аиста (с. 68); в настоящий момент других текстов, упоминающих Ное-аиста, в восточнославянской фольклорной традиции не зафиксировано.

Еще одна региональная особенность, отраженная в текстах фольклорной прозы, это традиция изготовления оброчных («обыденных») тканых изделий, характерная для Гомельщины в целом и для Октябрьского района в частности. В многочисленных рассказах о том, как в кризисных ситуациях (война, мор, эпидемии, засуха) совместными усилиями в течение одного дня создавались рушники и полотно (с соблюдением всех технологических операций начиная с прядения ниток и заканчивая украшением тканого изделия), представлена не только развитая ритуалистика, связанная с изготовлением и последующим применением оброчных изделий, но и богатая лексика, обозначающая оброчные изделия — *абдзённік*, *абыдзённік*, *дзённік*, *дняўнік* (с. 155–163).

Как и в других белорусских макро- и микрорегионах, традиции этнокультурного и этноконфессионального соседства в Октябрьском районе имеют давнюю историю. В народных рассказах о соседских взаимоотношениях, как и в других регионах, здесь фигурирует мифологизированный «чужой» — представитель другой нации или веры. Так, в истории, записанной в д. Хоромцы, речь идет о профессиях и занятиях соседей-евреев; одновременно указывается, что в Чистый четверг евреи приходили на реку купаться и смотрели в воду — кто не увидит своего отражения, умрет в этом году (с. 164–165). В этом описании, с одной стороны, отражен традиционный обычай моления над водой в дни еврейских осенних праздников [7. С. 177–178, 182, 183], а с другой — на основании семантики очистительных действий (у евреев в Судный день и на праздник Кушей осенью, у славян — в Чистый четверг накануне Пасхи весной) — еврейский обычай в трактовке не-евреев переносится на другое время года (подобный механизм вообще присущ народной

культуре, часто описывающей элементы «чужой» традиции в терминах и образах, характерных для «своей» традиции). И в этом случае перед нами отнюдь не аберрация массового сознания, приписывающего «чужой» традиции несуществующие черты, но тенденция «календарного переноса», характерная для некоторых локальных традиций (например, в Мозырском районе гадание евреев о судьбе посредством смотра в воду также приурочено к весеннему периоду, а именно к еврейской Пасхе [7. С. 236]).

Сборник, посвященный народной прозе Октябрьского района Гомельской области, в очередной раз показал, насколько интересно и колоритно может быть представлена региональная фольклорная традиция и как современные локальные данные могут дополнять общенациональный фонд фольклорного наследия. Хочется пожелать создателям и составителям новой книжной серии успеха в презентации разных регионов Республики Беларусь, а читателям — знакомства в ближайшее время с очередными выпусками «Фольклора нашего края».

© 2018 *О.В. Белова*

E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг и др. Л., 1979.
2. Былички и бывальщины: Суеверные рассказы Брянского края / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и приложения В.Д. Глебова. Орел; Брянск, 2011.
3. Народная Библия: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2004.
4. *Виноградова Л.Н.* Мост // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2004. Т. 3.
5. *Гура А.В.* Коитус // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2.
6. У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды / Сост. О.В. Белова, Г.И. Кабакова. М., 2014.
7. *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.